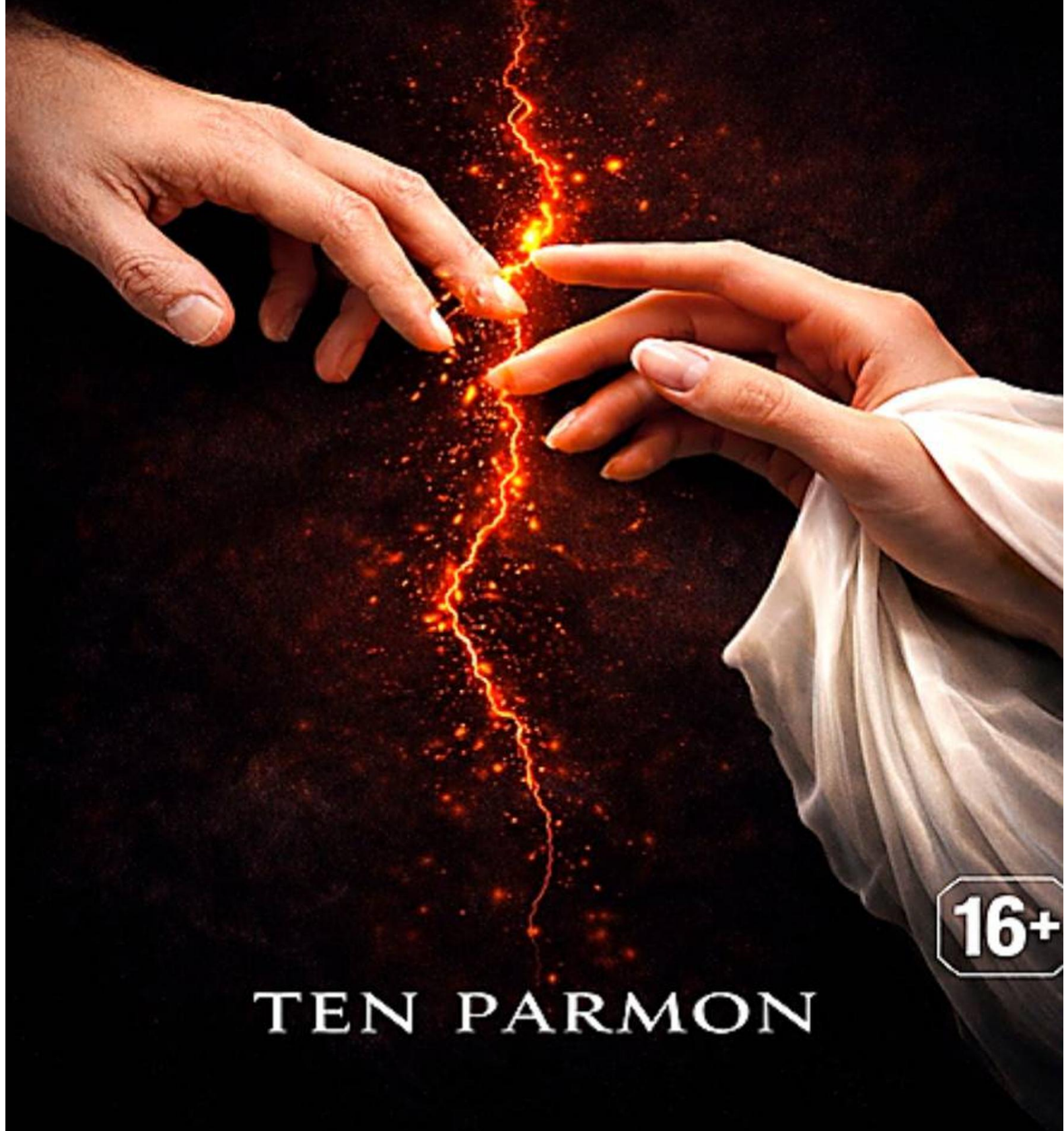

ΠΕΠΕΛ ΝΑ ΒΕΛΟΜ ΣΗΕΛΚΕ

TEN PARMON

16+

Тен Пармон

Пепел на белом шёлке

«Автор»

2026

Parmon T.

Пепел на белом шёлке / Т. Parmon — «Автор», 2026

Сан-Франциско. 2000 год. Руймеса — девушка в хиджабе, потерявшая родителей. Джонни Блэкдан — школьный король, прячущий за сарказмом дислексию и выжженную пустоту внутри. Когда её назначают его репетитором, оба понимают: это война. Но ненависть опаснее всего тем, что легко превращается в нечто запретное. История о том, что происходит, когда огонь встречает шёлк...

© Parmon T., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Тен Пармон

Пепел на белом шёлке

Пролог

В Ричмонде никогда не бывает по-настоящему светло. Здесь небо всегда цвета грязного асфальта, а воздух... воздух здесь можно жевать. Он густой, пропитанный гарью старых покрышек, дешевым мазутом из порта и чем-то еще – невидимым, но едим. Запахом несбывшихся надежд.

Джонни Блэкдан ненавидел этот запах. Но другого у него не было.

Он сидел на капоте своего старого байка, в тени облупившейся кирпичной стены школы. Его костяшки были разбиты в кровь – свежую, яркую, пахнущую солью и медью. Он прижал к ним холодную банку газировки, и эта резкая, дергающая БОЛЬ была единственным, что заставляло его чувствовать себя живым. Внутри него была пустота, черная дыра, которую он пытался заткнуть скоростью, драками и злым, колючим сарказмом.

– Очередной трофей, Блэкдан? – раздался за спиной голос Миллера. – Или ты наконец-то решил подражаться со стеной?

Джонни не обернулся. Он лишь прищурился, глядя на выход из школы. – Стены хотя бы молчат, Миллер. В отличие от тебя.

И тут двери распахнулись.

Она вышла не спеша. Мэри. Руймеса. Среди этого бетонного гетто, среди коротких юбок и кричащего макияжа, она казалась существом из другого измерения. Тонкая, прямая, как струна, готовая лопнуть. На ней был платок – безусловно белый, пугающе чистый на фоне этой серости. От неё не пахло этим городом. Когда она проходила мимо, ветер доносил до Джонни аромат сухой лаванды и... тишины. Настоящей, глубокой тишины, от которой у него начинали чесаться кулаки.

Её глаза всегда смотрели чуть выше крыш. Будто там, за этим смогом, она видела что-то, чего он был лишен по праву рождения.

«Она не отсюда, – подумал Джонни, и в груди неприятно кольнуло. – И она никогда не посмотрит вниз».

Мэри чувствовала его взгляд. Этот взгляд жег ей затылок, как тлеющая сигарета. Он пах опасностью, бензином и чем-то еще... отчаянием. Она крепче сжала лямку рюкзака, в котором лежал Коран. Каждый шаг мимо этой стены давался ей с трудом. Ей хотелось бежать, скрыться в стерильном покое мечети, но она заставляла себя идти ровно.

Она знала: за этой стеной сидит хаос. Человек, который не верит ни в Бога, ни в черта, ни в самого себя. Тот, кто может разрушить её мир одним прикосновением своих грязных рук.

– Эй, Умар! – выкрикнул Джонни ей в спину. Его голос был хриплым, надломленным. – Твой Бог знает, что ты ходишь по одной земле с таким дерьмом, как я? Или Он закрывает глаза, когда ты проходишь мимо?

Мэри остановилась. Всего на секунду. Пауза была такой длинной, что стало слышно, как капает вода из ржавой трубы неподалеку. Она не обернулась. Она просто закрыла глаза и прошептала то, что было её единственным щитом: *«И Он с вами, где бы вы ни были...»*

Джонни увидел, как дрогнули её плечи. Он хотел рассмеяться, выдать очередную гадость, но слова застряли в горле. В этот момент, среди запаха гари и соли, он вдруг понял: его война только начинается. И врагом в этой войне будет не Миллер, не полиция и даже не этот город.

Его врагом будет её свет.

Глава 1

Сан-Франциско пах паленым металлом, старой рыбой и бесконечной, въедливой сыростью. В октябре 2000-го туман был таким плотным, что казалось, его можно резать ножом – тяжелый, серый кисель, который лип к коже и превращал город в декорацию к фильму, финал которого забыли дописать.

Мэри поправила темно-синий платок, ощущая, как ткань сдавливает виски. Для мира она была Мэри, удобным сокращением, которое не царапает горло американцам. Для Бога и для памяти о родителях она оставалась Руймесой.

– Ты бледная, как смерть, – Самира переключила передачу, и старый «Гольф» протестующе лязгнул. – Если упадешь там в обморок, не надейся, что я приеду за тобой раньше шести. У меня смена в аптеке.

Самира пахла антисептиком и дешевым стиральным порошком. После аварии она перестала пользоваться духами. Сказала: «Зачем пахнуть цветами, когда внутри всё выжжено?».

– Я не упаду, Сами. Я просто пытаюсь понять, зачем нам этот переезд, – Мэри посмотрела в окно. Мимо проплывали граффити на кирпичных стенах, размытые туманом. – В Окленде было... привычно.

– В Окленде тебя едва не вышвырнули из школы за то, что ты «слишком умная для своей тряпки на голове», – Самира резко затормозила у ворот старшей школы Ричмонд-Дистрикт. – Здесь либералы. Здесь всем плевать. Иди. И не вздумай извиняться за то, что ты существуешь.

Мэри вышла из машины. Запах перемен ударил в нос сразу: смесь бензина, сладкой ваты из автомата и дорогого мужского парфюма – тяжелого, с нотками кожи и горького табака.

Коридоры школы были похожи на кишечник огромного, вечно голодного зверя. Стены, выкрашенные в тошнотворный бежевый, отражали гул сотен голосов. Мэри шла, глядя прямо перед собой. Она чувствовала эти взгляды – они кололи спину, как мелкие осколки стекла. Смех затихал, когда она проходила мимо, и возобновлялся за её спиной, уже более острый, с привкусом издевки.

– Осторожнее, парни, – раздался ленивый, тягучий голос. – Кажется, у нас тут экстренная доставка из Ирана. Или это ниндзя в депрессии?

Мэри остановилась. У шкафчика, развалившись с грацией сытого хищника, стоял Джонни Блэждан.

Он был не просто красив. Он был опасен той красотой, от которой хочется спрятаться. Темные волосы, упавшие на лоб, глаза цвета грозового неба над заливом и эта кривая, надломленная ухмылка. Он пах тем самым парфюмом – кожей и табаком. Запах привилегий и безнаказанности. В его руках был плеер Sony Walkman, провод от которого змеился под воротник кожаной куртки.

– Меня зовут Руймеса, – сказала она, и её голос прозвучал удивительно ровно в этом океане шума. – А «ниндзя в депрессии» – это, видимо, твой лучший подкат? Я разочарована. Я слышала, в этой школе у парней есть мозги, а не только гель для волос.

Джонни медленно снял наушники. Музыка – что-то надрывное и тяжелое – на мгновение вырвалась наружу. Его взгляд прошелся по ней сверху вниз, задерживаясь на складках платка.

– Руй-ме-са... – он попробовал имя на вкус, словно перекатывал во рту горькую косточку. – Слишком много слогов для школы, где все привыкли к именам вроде «Бритни». Слушай, Мэри... Можно я буду звать тебя Мэри? Так проще будет писать на твоём надгробии, когда ты окончательно задохнешься в своем средневековом гардеробе.

Его друзья заржали. Одна из девчонок, блондинка с липким блеском на губах, демонстративно сморщила нос.

– Здесь воняет... благовониями? Или это просто запах страха? – Джонни сделал шаг вперед.

Он не коснулся её, но Мэри почувствовала жар, исходящий от его тела. Это было почти физическое давление. Он был выше, массивнее, он заполнял собой всё пространство, вытесняя кислород.

– Пахнет твоим невежеством, Блэкдан, – Мэри прижала рюкзак к груди. Пальцы под тканью мелко дрожали, но она не отвела глаз. – И поверь, это гораздо хуже любого ладана. Пропусти. У меня урок истории, и я не хочу опаздать из-за лекции по ксенофобии для начинающих.

Джонни не шелохнулся. Его глаза сузились. В них на долю секунды мелькнуло что-то странное – не злость, а какое-то извращенное любопытство, будто он впервые увидел существо, которое не падает ниц перед его величием.

– История, значит? – он наклонился к её уху. Тонкая полоска кожи между платком и воротником куртки отозвалась на его дыхание мурашками. – Хороший выбор. Я обожаю истории о разрушенных империях. И знаешь, что в них общее?

Они все думали, что их стены их защитят. Но стены всегда падают, Руймеса. Всегда.

Он отступил, давая ей пройти, и отвесил шутовской поклон.

Мэри прошла мимо, ощущая спиной его взгляд – тяжелый, как надвигающийся шторм. Она знала, что этот парень – не просто задира. Он был дырой в пространстве, черным солнцем, которое затягивало всё живое.

Зайдя в класс, она села на последнюю парту и прижала ледяные ладони к лицу. Под тканью платка сердце билось так, словно хотело проломить ребра.

«Родители погибли, чтобы я жила», – прошептала она самой себе. – «А этот мальчишка просто хочет, чтобы я исчезла. Посмотрим, кто из нас сдастся первым».

В дверях появился Джонни. Он вальяжно прошел к своей парте в самом центре, бросил рюкзак на пол и, не глядя на учителя, обернулся. Его глаза нашли Мэри в конце класса. Он медленно, одними губами, произнес: «Смертница». И улыбнулся так, что у неё внутри всё застыло.

В этот момент в Сан-Франциско начался дождь. Первый настоящий ливень сезона, который обещал смыть всё, кроме этой внезапной, ядовитой искры между ними.

Дождь снаружи превратился в сплошную стену, отсекающую школу от остального Сан-Франциско. В кабинете истории пахло пыльной бумагой, старым мелом и мокрой шерстью – этот запах исходил от свитеров учеников, создавая душную, почти интимную атмосферу.

Мистер Харрис что-то монотонно вещал о «плавильном котле» Америки, но в классе плавило только одно – терпение Мэри. Она чувствовала затылком тяжелый, немигающий взгляд Джонни Блэкдана. Это было похоже на физическое прикосновение, от которого по лопаткам ползла липкая тревога.

– Эй, Мэри, – шепот Джонни прорезал тишину класса, как бритва. Он сидел прямо за ней, и звук его голоса заставил её вжать плечи. – Скажи честно, под этим синим куполом у тебя есть плеер? Или ты там слушаешь голоса предков?

Мэри не обернулась. Она продолжала записывать тезисы, хотя рука выводила ломаные, дрожащие линии.

– Блэкдан, если тебе так не терпится поговорить, попробуй пообщаться с учебником, – ответила она, не повышая голоса. – Уверена, уровень интеллекта у вас совпадет. Хотя нет, я переоценила учебник.

Сзади послышался сухой смешок. Джонни качнулся вперед на стуле. Теперь его дыхание шевелило выбившиеся из-под платка волоски у неё на шее. Мэри замерла, боясь вдохнуть. От него пахло дождем и чем-то горьким, как жженая трава.

– Сарказм? – протянул он. – Остро, Руймеса. Очень остро. Но знаешь, в чем проблема? Ты здесь как иероглиф на стене в сортире. Красиво, непонятно и совершенно не к месту.

Он протянул руку и – Мэри это почувствовала кожей – едва коснулся кончиками пальцев края её платка. Легкое, почти невесомое движение, но для неё оно отозвалось ударом тока. Она резко обернулась, и их лица оказались в десяти сантиметрах друг от друга.

У Джонни были странные глаза. Смерзшийся лед с вкраплениями стали. И в этом льду она увидела не только насмешку, но и глубокую, застарелую усталость, которую не смог бы скрыть ни один слой пафоса.

– Не смей. Трогать. Мои. Вещи, – прошипела она. Глаза её горели темным, опасным огнем.

– А то что? – Джонни приподнял бровь. Его ухмылка стала шире, но пальцы, лежавшие на парте, нервно дрогнули. – Позовешь своего Бога? Или сестренку на старом корыте? Я видел, как она высаживала тебя. Выглядит так, будто вы обе ждете конца света и боитесь, что он опоздает.

– Мы хотя бы чего-то ждем, Джонни, – Мэри придвинулась ближе, игнорируя кричащий внутри инстинкт самосохранения. – А ты просто гниешь заживо в своей кожаной куртке, надеясь, что если будешь смеяться громче всех, никто не услышит, как у тебя внутри всё разваливается.

Улыбка Джонни не исчезла, она просто застыла, превратившись в безжизненную маску. В классе внезапно стало очень тихо. Мистер Харрис перестал говорить, поправляя очки.

– Мистер Блэкдан, мисс Умар, – голос учителя прозвучал как приговор. – Раз уж вы так увлечены друг другом, у меня для вас отличные новости. Администрация школы обеспокоена вашими успехами, Джонни. В частности, тем, что ты не можешь отличить Декларацию независимости от меню в «Бургер Кинге».

Джонни медленно откинулся на спинку стула, снова надевая маску безразличия. – И что? Я собираюсь стать рок-звездой, Харрис. Рок-звездам не нужны даты.

– Возможно. Но рок-звездам нужен диплом, чтобы не закончить жизнь на панели.

Поэтому, – Харрис постучал мелом по столу, – Руймеса, как лучшая ученица потока, будет твоим куратором до конца семестра. Пять часов в неделю. Внеклассные занятия. Проверка домашних работ.

По классу прошел гул. Джонни застыл. Мэри почувствовала, как пол уходит у неё из-под ног.

– Вы шутите? – выдавила она. – Я не могу... у меня работа, у меня сестра...

– Это не просьба, Мэри. Это распоряжение директора, – Харрис посмотрел на Джонни. – Либо ты подтягиваешь историю под её надзором, либо футбольная команда прощается со своим лучшим защитником. Выбор за тобой.

Джонни медленно повернул голову к Мэри. В его взгляде сейчас не было ни грамма юмора. Только чистая, концентрированная ненависть, смешанная с чем-то, что Мэри побоялась бы назвать отчаянием.

– Ну что, «училка»? – выплюнул он, и голос его сорвался на хрип. – Поздравляю. Ты только что подписала себе смертный приговор. Пять часов в неделю со мной. Ты и месяца не продержишься. Ты сорвешь свой платок и убежишь из этого города, молясь, чтобы никогда больше не слышать моего имени.

Он резко встал, с грохотом опрокинув стул. Шум ударил по ушам, как выстрел. Не глядя на учителя, Джонни подхватил рюкзак и вышел из класса, хлопнув дверью так, что зазвенели стекла.

Мэри осталась сидеть в тишине. Она смотрела на пустой стул перед собой, и ей казалось, что запах его парфюма – кожа, табак и дождь – теперь впитался в её одежду навсегда.

Снаружи туман окончательно поглотил город, стирая границы между мирами.

Глава 2

Сан-Франциско захлебывался в сумерках. Дождь утих, оставив после себя запах сырого асфальта, гниющих водорослей из залива и тяжелую, липкую прохладу. Мэри стояла на крыльце школы, кутаясь в тонкое пальто. Она ждала Самире, но вместо старого «Гольфа» сестры к бордюру, взревев мотором, притерся черный маслкар – «Шевроле Нова» 70-го года, перекрашенный так часто, что краска напоминала запекшуюся кровь.

Окно медленно поползло вниз. Из салона ударила волна Linkin Park и запах дешевых вишневых сигарет.

– Прыгай, святоша. А то намокнешь, и твоя броня прилипнет к телу. Зрелище будет слишком радикальным даже для этого города, – Джонни Блэксдан лениво постукивал пальцами по рулю. Его лицо в неоновом свете приборной панели казалось высеченным из камня, а глаза – двумя провалами в никуда.

– Я жду сестру, Блэксдан. И я скорее пойду пешком через Тендерлоин, чем сяду в этот гроб на колесах, – Мэри даже не повернула головы. Она смотрела на то, как туман пожирает фонари.

– Сестренка не приедет. Она позвонила в школу. У них в аптеке какой-то завал с поставками, просила передать, чтобы ты добралась сама. Харрис любезно предложил мою кандидатуру. Сказал: «Это ваш первый час совместных мучений». Так что либо ты садишься, либо я буду ехать за тобой со скоростью три мили в час и комментировать твою походку в мегафон.

Мэри стиснула зубы так, что заболели челюсти. Самира... Она всегда слишком верила в людей. Или просто слишком устала, чтобы видеть угрозу.

Мэри дернула ручку двери. Салон пах кожей, старым железом и самим Джонни – тем самым едким, мужским ароматом, который выбивал почву из-под ног. Она села на самый край сиденья, словно боялась заразиться его присутствием.

– Музыка потише, – бросила она. – У меня от этого скрежета мигрень.

– Это искусство, Мэри. Но для человека, который слушает только шум ветра в пустыне, это, конечно, сложно, – Джонни убавил звук, но не до конца. Машина рванула с места, вжимая её в кресло.

Они ехали по холмам, мимо викторианских домов, которые в тумане выглядели как призраки. Молчание в салоне было таким густым, что его хотелось раздвинуть руками.

Почему ты так меня ненавидишь? – внезапно спросила Мэри, глядя на его профиль. В свете пролетающих мимо витрин он казался младше и... беззащитнее? Нет, это была иллюзия.

Джонни коротко и зло рассмеялся. – Ненавижу? Слишком много чести, Руймеса. Ты просто... неудобная. Ты напоминаешь всем вокруг, что можно быть кем-то, у кого есть стержень. А в этом городе люди предпочитают кисель. Ты колешь глаза своей правильностью.

– А ты колешь всех своей злостью. Это такая защита, Джонни? Если ударишь первым, никто не заметит, что ты истекаешь кровью?

Машина вильнула. Джонни резко ударил по тормозам у обочины, где-то в районе Пресидио. Мэри едва не вписалась лбом в панель. Он развернулся к ней, его лицо было в сантиметрах от её лица. В полумраке его зрачки затопили радужку.

– Не лезь мне под кожу, – прошептал он, и его голос был похож на хруст битого стекла. – Ты думаешь, если ты нацепила платок, то видишь людей насквозь? Ты ничего не знаешь о боли. Ты живешь в своем стерильном мире молитв. А мой мир – это эта машина, этот туман и гребаная дислексия, из-за которой я не могу прочитать три строчки, не превратив их в кашу.

Он тяжело дышал. Мэри видела, как вздулась жилка у него на виске. Её рука непроизвольно дернулась, она почти коснулась его плеча, но вовремя остановилась. Пальцы замерли в воздухе, чувствуя жар, исходящий от его кожи.

– Я знаю, что такое терять всё в одну секунду, Джонни, – тихо сказала она. – Я видела, как горит машина моих родителей. Я знаю запах горелой резины и смерти лучше, чем ты думаешь. Так что не смей говорить мне про мой «стерильный мир».

Тишина взорвалась. Джонни смотрел на неё, и в его глазах лед начал трескаться. Он не извинился. Такие, как он, не извиняются. Он просто сорвал с шеи свои наушники и бросил их ей на колени.

– Слушай, – хрипло приказал он. – Просто слушай. Там нет слов, которые я не могу прочесть. Там только звук.

Мэри медленно надела тяжелые наушники. Грохот гитар сменился чем-то другим – тягучей, темной мелодией виолончели вперемешку с индустриальным шумом. Это было похоже на крик, запертый в железной бочке. Это была его душа.

Она закрыла глаза. В этот момент, в старой машине посреди туманного Сан-Франциско, между ними протянулась тонкая, как волос, нить. Нить из чистой, неразбавленной боли.

– Красиво, – прошептала она, не снимая наушников.

Это уродливо, – отозвался он, уже спокойнее. – Но это правда.

Он снова завел мотор. Они доехали до её дома в полном молчании. Когда она выходила, он не смотрел на неё.

– Завтра в библиотеке. В четыре, – бросил он, глядя на лобовое стекло. – И не опаздывай. Я не люблю ждать тех, кто собирается меня спасать.

Мэри вышла, чувствуя, как холодный воздух обжигает легкие. Она смотрела вслед уезжающим красным огням его «Шевроле», пока они не растворились в тумане.

В ту ночь ей впервые не снился огонь аварии. Ей снился запах вишни и табака. И это пугало её гораздо сильнее, чем смерть.

Джонни въехал в гараж, не глуша мотор. В замкнутом пространстве гул «Шевроле» стал невыносимым, он вибрировал в грудной клетке, заполняя пустоту под ребрами. Гараж пах бензином, старым маслом и сырой побелкой – запахи, которые годами служили ему анестезией.

Он выключил зажигание. Тишина навалилась сверху, как бетонная плита. Джонни откинул голову на кожаный подголовник, который все еще хранил призрачный холод тумана.

– Черт бы тебя побрал, Мэри, – выдохнул он в пустоту салона.

Он закрыл глаза, но на сетчатке все еще стоял её силуэт: тонкая фигура в этом нелепом синем платке, который в свете уличных фонарей казался почти черным. Она была похожа на глубокую трещину в его идеально выстроенном, фальшивом мире. Все вокруг него были прозрачными – понятными, как заголовки в желтой прессе. Но она... она была текстом, который он не мог прочитать. И это бесило сильнее, чем буквы, танцующие на страницах учебника истории.

Джонни выбрался из машины. Ноги слегка подкашивались – то ли от усталости, то ли от адреналина, который всё никак не хотел утихать.

Дом Блэкданов в фешенебельном районе пах стерильностью, дорогим воском для паркета и отсутствием жизни. Родители, как всегда, были на очередном благотворительном приеме, «спасая мир», пока их собственный сын тонул в тишине огромных комнат.

Он поднялся в свою спальню, не включая свет. За окном огни Сан-Франциско мерцали сквозь туман, как огни тонущего корабля. Джонни швырнул куртку на пол. Из кармана выпал плеер. Тот самый, на котором она слушала его музыку.

Он поднял его, коснувшись пальцами амбушюр наушников. Ему показалось, что они всё ещё хранят тепло её кожи. Или это был запах? Легкий, едва уловимый аромат – не парфюм, а что-то чистое, напоминающее высушенную на солнце ткань и... мяту?

Дурак, – прошептал он сам себе, чувствуя, как внутри ворочается что-то темное и постыдное.

Он сел на кровать, сжимая плеер в руке так сильно, что пластик жалобно скрипнул. Ему было страшно. Не того, что она его «раскусит», нет. Он боялся того, как легко она это сделала всего парой фраз. Она увидела его гниль, его боль, его неспособность просто *быть* обычным.

Джонни вспомнил её взгляд в машине. В нем не было жалости – он бы её не вынес. В нем было признание. Она узнала в нем такого же калеку, как и она сама, только её шрамы были на виду, прикрытые шелком, а его – заперты в клетке из кожаных курток и издевательского смеха.

Он подошел к зеркалу и нажал на кнопку выключателя. Резкий свет ударил по глазам. Джонни уставился на свое отражение. Красивое лицо. Уверенное. Лицо парня, у которого есть всё.

– Ты сдохнешь, Блэкдан, – сказал он своему отражению, и его губы искривились в саркастичной ухмылке. – Ты позовешь её на помощь, а когда она протянет руку, ты её укусишь. Потому что по-другому ты не умеешь.

Он подошел к столу, где лежал закрытый учебник истории. На обложке красовалась дата – 2000 год. Миллениум. Новое начало. Для всех, кроме него. Буквы на обложке начали медленно плыть, меняться местами, издеваясь над ним. Джонни смахнул книгу со стола. Она с глухим стуком упала на ковер.

В голове снова и снова прокручивался её голос: *«Мое солнце всегда со мной»*.

– Посмотрим, – прохрипел он, ложась на кровать прямо в одежде. – Посмотрим, сколько твоё солнце продержится в моем тумане.

Он закинул руки за голову, глядя в потолок. Сердце билось неровно, сбиваясь с ритма. В ту ночь он так и не уснул. Он слушал, как капли дождя бьют по стеклу, и каждая из них шептала её имя, которое он так боялся произнести вслух. Руймеса.

Глава 3

Школьная библиотека Ричмонд-Дистрикт была местом, где время умирало медленно и мучительно. Здесь пахло пыльными переплетами, старой олифой и жвачкой, прилепленной под дубовые столы еще в прошлом десятилетии. Воздух казался тяжелым, застывшим, как в склепе, где вместо тел покоились не востребуемые знания.

Мэри пришла за десять минут до назначенного времени. Она выбрала самый дальний стол в углу, скрытый высокими стеллажами с зарубежной классикой. Положила перед собой учебник истории, тетрадь и две ручки. Её пальцы, холодные и бледные, нервно перебирали четки в кармане юбки.

Ровно в четыре часа тишину взорвал грохот тяжелых ботинок.

Джонни Блэкдан не шел – он ввалился в библиотеку, словно это был дешевый бар. На нем была черная толстовка с капюшоном, накинутым на голову, и все те же наушники на шее. Он пах ветром с залива, жженой резиной и едва уловимым, дразнящим ароматом перечной мяты.

Он упал на стул напротив неё с такой силой, что ножки мебели жалобно скрипнули.

– Привет, мученица, – бросил он, не снимая капюшона. – Готова вбивать в мою голову даты великих поражений? Это иронично, учитывая, что моё величайшее поражение сидит прямо передо мной и носит синий шелк.

Мэри подняла взгляд. Под его глазами залегли тени – сизые, как предрассветное небо над Сан-Франциско. Он не спал. Это знание кольнуло её странным, почти болезненным удовлетворением.

– Садись ровно, Блэкдан, – Мэри пододвинула к нему раскрытый учебник. – Твои шутки пахнут нафталином. У нас параграф о Гражданской войне. И нет, это не о том, как ты вчера поспорил с барменом.

Джонни устался на страницу. Буквы тут же пустились в свой привычный, издевательский пляс. Они изгибались, менялись местами, превращая текст в нечитаемую кашу. Он почувствовал, как к горлу подступает знакомый ком ярости и стыда. Его пальцы, лежавшие на столе, сжались в кулаки.

– Читай вслух, – приказала Мэри.

Обойдешься, – выплюнул он, глядя в окно, за которым туман снова начал облизывать стекла. – Я не нанимался в чтецы-декламаторы. Давай просто подпиши мне ведомость, что я был здесь, и я исчезну. Тебе же этого хочется, правда? Чтобы я просто испарился вместе с этим чертовым дождем?

– Мне хочется, чтобы ты перестал вести себя как трус, – тихо сказала она.

Джонни резко перевел взгляд на неё. В его глазах вспыхнуло что-то опасное. – Трус? Ты хоть понимаешь, кому это говоришь?

– Тому, кто боится бумажного листа больше, чем драки на парковке, – Мэри подалась вперед. В тишине библиотеки её голос казался неестественно громким. – Я видела твои тетради, Джонни. Ты не глупый. Ты просто заперт внутри своей головы, и тебе страшно признать, что тебе нужна помощь.

Он молчал. Тишина между ними была такой плотной, что слышно было, как в другом конце зала тикают старые часы. Джонни смотрел на её руки. Мэри заметила, что он заморожен тем, как она поправляет край манжета.

– Знаешь, – его голос вдруг стал низким, почти интимным, – когда ты злишься, твой платок начинает подрагивать в такт пульсу на шее. Это забавно. Единственное живое место в этом мертвом здании.

Он медленно протянул руку и накрыл её ладонь своей. Его кожа была горячее, почти обжигающей по сравнению с её ледяными пальцами. Мэри вздрогнула, но не отдернула руку. Это было как шаг в бездну – страшно, необратимо и странно необходимо.

– У тебя руки пахнут мятой, – прошептала она, теряя нить спора.

– А у тебя – страхом, – отозвался он. – И немного... домом. Не знаю, почему. Я никогда не был в домах, где пахнет так спокойно.

Он сжал её пальцы. Не грубо, но властно. В этом жесте было больше отчаяния, чем в любом его крике. Джонни Блэкдан, король школы и гроза дорог, сейчас держался за руку девушки, которую презирал, как за спасательный круг.

– Читай, Джонни, – её голос дрогнул, но остался твердым. – Первая строчка. «Четырнадцать штатов...» Просто попробуй. Я не буду смеяться.

Он сглотнул. Желваки на его скулах заходили ходуном. Он опустил взгляд на учебник, концентрируясь на первой букве так, будто это была мишень в прицеле.

Че-тыр-над-цать... – прохрипел он. Каждое слово давалось ему с трудом, словно он выплевывал камни.

Мэри не отпускала его руку. Она чувствовала, как его ладонь увлажняется от напряжения, как мелко дрожат его пальцы. Она видела, какую цену он платит за эти несколько слов.

– Хорошо, – шепнула она, когда он закончил предложение. – Дальше.

Он поднял на неё глаза. В этот момент в них не было льда. Там была голая, неприкрытая боль человека, который впервые позволил кому-то увидеть свою слабость.

– Зачем ты это делаешь, Руймеса? – спросил он, и в его устах её имя больше не звучало как оскорбление. – Зачем тебе спасти того, кто завтра снова толкнет тебя в коридоре, просто чтобы не потерять лицо перед придурками в куртках?

– Потому что я знаю, что за этой курткой кто-то есть, – ответила она, медленно забирая свою руку. Холод тут же вернулся, кусая кожу. – И потому что я не умею бросать людей на поле боя. Даже если это поле боя – учебник истории.

Джонни криво усмехнулся, возвращая свою маску сарказма, но в глазах осталось что-то надломленное.

– Ты странная, Мэри. Ты как этот город – снаружи туман и камни, а внутри... черт знает что. Но я это выясню. Клянусь, я доберусь до того, что ты там прячешь под этими слоями ткани.

Он снова уткнулся в книгу. До конца часа он прочитал еще три абзаца. Это был самый долгий час в его жизни. И самый честный.

Когда они выходили из библиотеки, туман в коридорах казался не таким густым. На пороге Джонни остановился, надевая наушники.

– Завтра в то же время? – спросил он, не глядя на неё.

– В то же время, Блэкдан. И принеси свои рисунки. Те, что ты прячешь в конце тетради.

Он замер, наполовину натянув капюшон. Обернулся, и на его лице промелькнула тень испуга, смешанного с восхищением.

– Ты слишком много видишь, Мэри. Это тебя погубит.

Или спасет, – ответила она и зашагала к выходу, чувствуя, как его взгляд жжет ей спину.

Дождь снаружи затих, оставив после себя лишь тяжелую, серую вату, нависшую над Сан-Франциско. В библиотеке стало темнее. Лампы над столами гудели – низкий, раздражающий звук, похожий на роение мух.

Мэри собирала книги, стараясь не смотреть на Джонни, но его присутствие ощущалось как статическое электричество перед грозой. Воздух между ними все еще вибрировал от того недолгого прикосновения, от тепла, которое теперь казалось клеймом на её коже.

– Ты ведь не расскажешь никому? – Джонни все еще сидел, низко опустив голову. Капюшон скрывал его лицо, но голос выдавал его – он звучал надломленно, обнажая ту самую гниль, о которой она говорила. – Если кто-то узнает, что Блэкдан путает «b» и «d» и держится за

ручку с монашкой, чтобы не расплакаться над параграфом... я превращу твою жизнь в ад, Мэри. Обещаю.

Мэри застегнула рюкзак. Металлический звук молнии прорезал тишину, как выстрел. Она выпрямилась и посмотрела на него – не сверху вниз, а прямо, в самую суть этого колючего, израненного зверя.

– Моя жизнь и так не курорт, Джонни. Твои угрозы пахнут дешевым блефом. – Она на мгновение замешкалась, глядя на его сцепленные пальцы. – И я не монашка. Я просто верю в то, что выше этого дерьма вокруг. Тебе бы тоже не помешало во что-то верить, кроме своего отражения в витринах.

Джонни вскинул голову. Саркастичная ухмылка вернулась на его губы, но она была кривой, как шрам.

– Я верю в бензин, Руймеса. В скорость и в то, что музыка должна орать так сильно, чтобы заглушить мысли. – Он поднялся, медленно, словно у него болело каждое сухожилие. – А ты... ты веришь в сказки. Но сказки не выживают в Ричмонде. Здесь либо ты ешь, либо тебя едят.

Он подошел ближе. Теперь она чувствовала запах его пота, смешанный с тем самым мятым ароматом и чем-то металлическим – так пахнет кровь, если прикусить губу от злости.

– Ты звал меня по имени, – тихо сказала она. – Там, минуту назад. Не «Мэри».

Не «смертница». Ты звал меня Руймеса.

Джонни замер. Его зрачки на мгновение расширились, поглощая свет ламп. Он выглядел так, будто она ударила его под дых.

– Ошибся, – бросил он, отводя взгляд. – Слишком сложное слово. Я же дислексик, забыла? У меня язык заплетается об твои корни.

Он резко развернулся и зашагал к выходу, но у самых дверей обернулся. Его фигура в дверном проеме казалась черным провалом на фоне пыльных стеллажей.

– И убери этот взгляд, Умар. Как будто ты нашла потерянного щенка. Я не щенок. Я волк, который попал в капкан, но если ты подойдешь слишком близко – я отгрызу себе лапу, а потом перегрызу тебе горло. Просто чтобы не чувствовать себя обязанным.

Дверь библиотеки захлопнулась с тяжелым вздохом.

Мэри осталась одна. Она медленно опустилась на край стола, чувствуя, как дрожат колени. Она коснулась своего платка – там, где его пальцы едва задели ткань. Ей казалось, что это место теперь выжжено кислотой.

Внутри неё боролись два чувства: ледяной страх перед этим парнем, в котором тьмы было больше, чем в туманных закоулках города, и странное, почти запретное желание снова увидеть тот момент, когда его лед трескается.

Она вышла на улицу. Возле ворот её ждала Самира. Сестра стояла у машины, скрестив руки на груди, её лицо было серым от усталости, а от одежды пахло лекарствами и безнадежностью.

– Долго ты, – Самира внимательно посмотрела на Мэри. – Ты вся какая-то... взвинченная. Что случилось? Этот Блэкдан что-то сделал?

Мэри посмотрела на свои руки. Они все еще помнили жар его ладони.

– Нет, Сами. Ничего он не сделал. Просто... история оказалась сложнее, чем я думала.

– История всегда сложная, – Самира открыла дверцу. – Особенно когда она еще не написана. Поехали домой. Надо совершить намаз. Нам обеим нужно немного тишины.

Мэри села в машину. Пока Самира выруливала со стоянки, Мэри смотрела в зеркало заднего вида. Там, в тени школьного здания, она заметила красный огонек сигареты. Джонни не уехал. Он стоял там, в тумане, один, прислонившись к своей окровавленно-черной машине, и смотрел им вслед.

Любовь в этом мире была приговором. И Мэри только что услышала первый удар судебного молота

Вечер в их маленькой квартире на окраине пах жареным луком и молитвенными ковриками. Мэри расстелила свой коврик в углу, но когда закрыла глаза, вместо священных слов перед ней возникли буквы, танцующие в учебнике Джонни.

Она вспомнила его рисунки. На полях тетради, которую он пытался спрятать, были не просто каракули. Там были острые, рваные линии – лица людей без глаз, мосты, уходящие в никуда, и странные, ломаные крылья.

«Ему не нужна история», – подумала Мэри, опускаясь на колени. – «Ему нужно, чтобы кто-то не побоялся его темноты».

Она склонилась в земном поклоне, и холодный пол обжег лоб. В ту минуту она молилась не только за родителей. Она молилась за волка, запертого в золотой клетке и грызущего собственные кости от одиночества.

Глава 4

В ту ночь туман Сан-Франциско решил окончательно стереть границы. Он заползал в щели старых оконных рам, принося с собой привкус соли и предчувствие беды. В квартире Умаров пахло шалфеем и застарелым горем, которое Самира безуспешно пыталась выгнать уборкой.

Мэри сидела на подоконнике, глядя вниз, на пустую улицу. Её четки замерли. В 2000-м году тишина была редким товаром, но здесь, на окраине Ричмонда, она казалась почти осязаемой.

Вдруг тишину распорол знакомый, утробный рык двигателя. Черная «Нова» вынырнула из белесой мути, как призрак. Джонни Блэксдан не просто припарковался – он бросил машину посреди дороги, даже не выключив фары. Два мертвенно-белых луча пробили мглу, упираясь в стену их дома.

Сердце Мэри пропустило удар, а затем забилося часто-часто, отдаваясь эхом в кончиках пальцев.

– Самира спит? – прошептала она самой себе, глядя, как долговязая фигура выбирается из салона.

Джонни был без куртки. В одной тонкой футболке, насквозь промокнутой от мелкой измороси, он выглядел неприкаянно. Он не шел к двери, он просто стоял, задрал голову и всматриваясь в окна, словно искал в этом бетонном муравейнике единственный источник тепла.

Мэри накинула платок – небрежно, просто чтобы прикрыться – и выскользнула в коридор. Ступеньки лестницы скрипели под её весом, как кости старого скелета.

Когда она открыла тяжелую входную дверь, холодный воздух ударил ей в лицо, принося запах мокрой шерсти, табака и – внезапно – горького миндаля. Джонни стоял в трех шагах. Его трясло. Крупная дрожь сотрясала его плечи, а волосы липли ко лбу, делая его похожим на утопленника, который забыл, что ему полагается быть мертвым.

– Ты с ума сошел? – Мэри вышла на порог, обнимая себя за плечи. – Который час, Блэксдан? Моя сестра вызовет полицию, если увидит тебя здесь.

– Пусть вызывает, – его голос был хриплым, сорванным, будто он кричал последние три часа. – Мне плевать на полицию, Мэри. Мне плевать на всё.

Он шагнул ближе. Фары его машины подсвечивали его со спины, создавая вокруг него нимб из водяной пыли. Он выглядел как падший ангел, у которого отобрали даже право на гнев.

– Я не могу дышать, – выдохнул он, и это не было метафорой. Он действительно хватал воздух ртом, как выброшенная на берег рыба. – В том доме... там стены пахнут мертвечиной и дорогим мылом. Моя мать спросила, почему я провалил тест, и я... я просто не смог ей ответить. Буквы, Мэри. Они снова начали бегать.

Он протянул руку и вцепился в косяк двери прямо над её головой. Мэри оказалась зажата между дверью и его телом. От него исходил такой жар, что туман вокруг них начал таять.

– Почему ты приехал сюда? – спросила она, заставляя себя смотреть ему в глаза. Там, за ледяной сталью, она увидела чистый, неразбавленный ужас.

– Потому что ты – единственный человек, который не смотрит на меня как на мусор или как на трофей, – Джонни наклонился ниже. Его лицо было мокрым – то ли от дождя, то ли от слез, которые он никогда бы не признал. – Ты смотришь так, будто я... существую. На самом деле существую.

Он замолчал. В тишине было слышно, как капает вода с козырька подъезда. Мэри чувствовала его прерывистое дыхание на своих губах. Это было неправильно. Это было опасно.

Каждый нерв в её теле кричал о том, что нужно закрыть дверь и запереться на все замки. Но её рука, словно живущая своей жизнью, поднялась и коснулась его мокрой щеки.

Кожа была обжигающей. Джонни замер, его глаза расширились. Он прижался к её ладони, как измученный жаждой к источнику.

– У тебя руки пахнут... домом, – повторил он свой бред из библиотеки. – Мэри, скажи мне, что я не сошел с ума. Скажи, что это не просто мой очередной трип.

– Ты не сошел с ума, Джонни, – шепнула она, чувствуя, как внутри неё что-то безвозвратно надламывается. – Ты просто живой. А быть живым – это больно.

В этот момент он не выдержал. Он не поцеловал её – нет, это было бы слишком просто. Он уткнулся лбом в её плечо, прямо в ткань её платка, и его пальцы судорожно сжали края её кофты. Это было признание в полной, абсолютной капитуляции.

– Я ненавижу тебя за это, – проглушил он ей в плечо. – За то, что ты заставляешь меня это чувствовать.

– Я тоже себя ненавижу, – ответила Мэри, закрывая глаза.

Сверху, в окне второго этажа, зажегся свет. Самира проснулась.

– Тебе надо уходить, – Мэри попыталась отстраниться, но Джонни держал её крепко, словно она была последним мостом над пропастью.

– Дай мне еще минуту, – попросил он. – Просто минуту тишины. Без музыки, без фальши, без этого гребаного города.

Они стояли в круге света от фар «Шевроле», два обломка разных миров, которые на долю секунды совпали пазами. В ту минуту не было ни религии, ни дислексии, ни прошлого. Был только холодный дождь и двое сирот – одна потеряла родителей на шоссе, другой терял себя каждый день в зеркалах собственного дома.

Джонни резко отстранился, когда на лестничной клетке послышались шаги Самира. Он посмотрел на Мэри – взгляд был диким, почти безумным.

– В понедельник, – бросил он, отступая в туман. – Принесу рисунки. И не надейся, что я буду вежливым.

Он прыгнул в машину, и «Нова» с визгом покрышек сорвалась с места, исчезая во мгле. Мэри осталась стоять на пороге, прижимая ладонь к тому месту на плече, где остался холод его лба.

Дверь за спиной открылась. – Руймеса? – голос Самира был тревожным. – С кем ты разговаривала? Что это был за шум?

Мэри медленно повернулась. В её глазах Самира увидела что-то такое, чего там никогда не было раньше – отблеск лезвия, которое только что вошло в сердце по самую рукоять.

– Просто ветер, Сами, – солгала Мэри, и вкус лжи на губах был соленым, как кровь. – Всего лишь ветер с залива.

Глава 5

Понедельник в Сан-Франциско выдался болезненно ярким. Солнце, вынырнувшее из-за тумана, резало глаза, обнажая всю неприглядную правду города: трещины на асфальте, ржавчину на пожарных лестницах и усталость в лицах прохожих. В школе Ричмонд-Дистрикт пахло жареной едой из столовой, хлоркой и предчувствием шторма.

Мэри чувствовала себя так, словно с неё заживо сняли слой кожи. Каждый раз, когда в коридоре хлопала дверь шкафчика, она вздрагивала. Ей казалось, что на её плече, там, где Джонни оставил холод своего отчаяния, проступило несмываемое пятно.

Джонни не появился ни на первом уроке, ни на втором. Мэри сидела за партой, бездумно глядя на доску, и кожей ощущала пустоту на том месте, где обычно пульсировала его ярость.

– Ты сегодня сама не своя, – прошептала одноклассница, когда они столкнулись у автоматов с газировкой. – Вид такой, будто ты всю ночь вела переговоры с джиннами.

– Хуже, – буркнула Мэри, забирая банку колы. – С Блэкданом.

– О-о, сочувствую. Говорят, его вчера видели в «Адмирале», он чуть не разнес барную стойку из-за того, что кто-то косо на него посмотрел. Он невменяемый, Мэри. Будь осторожна.

Мэри ничего не ответила. Она знала, что «невменяемость» Джонни – это просто способ не кричать от боли.

В библиотеке в четыре часа дня было подозрительно тихо. Даже библиотекарьша, мисс Грабб, пахнувшая нафталином и старым чаем, куда-то исчезла. Мэри сидела за тем же столом в углу. Свет падал на полированную поверхность дерева, выхватывая пылинки, танцующие в воздухе.

Джонни вошел бесшумно. На этот раз он не грохотал ботинками. Он просто возник из теней между стеллажами, словно его соткал сам туман. На нем была серая толстовка, капюшон опущен. Лицо – бледное, почти прозрачное, глаза – две дыры, прожженные сигаретой в белом полотне.

Он сел напротив и молча положил на стол старую тетрадь в черном кожаном переплете. Она была обшарпана по краям и пахла табаком и чем-то очень старым, как чердаки заброшенных домов.

– Вот, – его голос был сухим, как осенний лист. – Ты просила. Не спрашивай, зачем я это принес. Наверное, просто хотел посмотреть, как ты будешь морщиться от отвращения.

Мэри медленно протянула руку. Её пальцы коснулись обложки, и она почувствовала легкую вибрацию, словно тетрадь была живым сердцем, вырванным из груди. Она открыла первую страницу.

Там не было букв. Там была тьма, облеченная в линии.

Это были рисунки, сделанные углем и тушью. Ломаные силуэты Сан-Франциско, где мост Золотые Ворота выглядел как хребет доисторического чудовища, впивающегося в небо. На следующей странице – человеческое лицо, наполовину скрытое тенью, где вместо одного глаза была черная воронка, затягивающая в себя пространство. Линии были нервными, злыми, они буквально прорезали бумагу насквозь.

– Джонни... – выдохнула она, не в силах оторвать взгляд. – Это... ты видишь мир таким?

– А ты видишь его в розовых соплях и нимбах? – он горько усмехнулся и вытащил из кармана мятую пачку жвачки. – Мир – это мясорубка, Мэри. Просто некоторые из нас уже внутри, а некоторые, вроде тебя, стоят в очереди и думают, что их пронесет.

Она перелистнула еще страницу и замерла. Дыхание перехватило.

На весь разворот была изображена девушка. Она стояла на фоне туманного берега океана. Её платок развевался на ветру, превращаясь в дым. Лица не было видно, но поза – гордая,

прямая и бесконечно одинокая – была узнаваема до боли. Под рисунком была выведена всего одна фраза, рваными, почти нечитаемыми буквами: *«Она молчит так громко, что у меня течет кровь из ушей»*.

Мэри подняла голову. Джонни смотрел на неё в упор. Его пальцы нервно теребили завязки толстовки. В библиотеке стало так тихо, что слышно было, как бьется муха о стекло где-то в конце зала.

– Почему я? – её голос был едва слышным шепотом.

Потому что ты не боишься смотреть на мои буквы, когда они превращаются в мусор, – Джонни подался вперед. Запах мяты и металла стал почти осязаемым. – И потому что, когда я рисовал это... я впервые за неделю не хотел разбить зеркало в ванной.

Он протянул руку, словно хотел коснуться её щеки, как она коснулась его у порога, но его пальцы замерли в нескольких сантиметрах. Он боялся. Этот парень, который не боялся ничего, дрожал перед прикосновением к ткани её хиджаба.

– Ты меня ненавидишь, Джонни? – спросила она, и её сердце билось так сильно, что, казалось, оно сейчас выскочит из груди прямо ему в ладони.

– Каждой клеткой своего гребаного тела, – ответил он, и в его глазах блеснуло что-то, что было гораздо страшнее ненависти. – Я ненавижу то, что ты делаешь со мной. Я ненавижу, что я помню вкус дождя на твоём пороге. Я ненавижу, что ты – единственная правда в этом фальшивом городе.

Он резко вырвал тетрадь из её рук и захлопнул её. Звук удара бумаги о дерево эхом разнесся по библиотеке.

– Давай заниматься, Умар. Четырнадцать штатов, Гражданская война, смерть и налоги. Давай вернемся к тому, что понятно. Потому что то, что происходит сейчас... я этого не вынесу.

Мэри открыла учебник, но буквы перед её глазами тоже начали плыть. Не так, как у него. У неё они расплывались от слез, которые она не имела права проливать.

– Хорошо, – сказала она, сглатывая ком. – Глава пятая. Реконструкция Юга.

– Реконструкция, – эхом отозвался он, глядя на её сцепленные пальцы. – Нельзя реконструировать то, что изначально было построено на песке, Мэри. Можно только разрушить до конца и надеяться, что из пепла что-то вырастет.

Они просидели так два часа. Он читал, спотыкаясь на каждом слове, а она исправляла его, её голос был мягким, как шелк, но внутри неё кричала буря. Она понимала: это не просто занятия. Это была операция на открытом сердце без наркоза. И оба они рисковали не дожить до финала.

Когда они выходили, Джонни остановил её у дверей.

– В пятницу будет вечеринка у Миллера, – бросил он, не глядя на неё. – Там будут все.

Ты же знаешь, я не хожу на такие вещи, Джонни.

– Приходи, – он обернулся, и на его лице на мгновение проступила та самая уязвимость, которую она видела ночью. – Просто приди. Мне нужно знать, что в той толпе дерьма есть хоть одно живое лицо. Пожалуйста.

Слово «пожалуйста» прозвучало из его уст как признание в любви. Или как смертный приговор.

Джонни долго не уходил. Он сидел, откинувшись на жесткую спинку библиотечного стула, и смотрел, как Мэри аккуратно, почти благоговейно, убирает его тетрадь с рисунками на край стола. В этом жесте было столько непрошенной нежности, что у него заныли зубы. Ему хотелось выхватить тетрадь, швырнуть её в мусорное ведро или рассмеяться ей в лицо, сказав, что всё это – глупая шутка. Но пальцы онемели, пригвожденные к столу её спокойствием.

– Знаешь, Умар, – он нарушил тишину, когда она уже потянулась за своей сумкой. Голос его стал сухим, с привкусом осени. – Ты ведь понимаешь, что спасти меня – это самая паршивая инвестиция в твоей жизни? Я – дефектная модель. У меня внутри что-то перегорело еще до того, как я научился завязывать шнурки.

Мэри остановилась. Она посмотрела на него через плечо. Свет лампы падал так, что её лицо казалось высеченным из слоновой кости, а синий шелк платка поглощал остатки дня.

– Мой отец говорил, что дефектные вещи часто оказываются самыми ценными, Джонни. – Она едва заметно улыбнулась, и в этой улыбке было больше горечи, чем сарказма. – Потому что в них виден труд того, кто пытался их починить. Или боль того, кто их сломал.

– Твой отец был философом или просто любил копаться в старье? – Джонни попытался вернуть себе привычный тон, но вышло жалко.

– Он был врачом, – коротко ответила она. Запах антисептика и старой кожи снова на мгновение заполнил её легкие. – Он знал, как выглядит смерть, и поэтому ценил каждую трещину в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.